

времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране...»

Осуществись этот замысел — и Ермолов тогда, безусловно, далеко отодвинул бы с первых мест и французского императора, и английского поэта. О ком же еще, о каком вообще еще историческом лице Лермонтов отзывался с таким же преклонением, как о Ермолове? И кто тогда для него «великий муж», если не Ермолов?

Вернувшись же, в-третьих, к лермонтовским строкам, прочтем их вновь, а именно две последние строфы, содержащие, в сущности, предсказание посмертной судьбы «великого мужа». Для поэта нет сомнений, что его герой навсегда останется в памяти «поздних потомков». По отношению к кому, как не к Ермолову, эти слова так провидчески оправдались? Имя Ермолова, наряду с именами очень немногих наших великих полководцев — Суворова, Кутузова, Жукова — и по сей день произносится с благодарностью и благоговейным трепетом. И словно в ответ на последнюю строку лермонтовского шедевра — «он любил отчизну», никто другой не изрек таких простых и гордых слов, как Ермолов: «Никогда неразлучно со мною чувство, что я Россиянин».

РЕЦЕНЗИИ

ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ПОЭТ ЛЕНИНГРАДА

Виктор Ширали. Простейшие слова. М., 2018. 287 с.

С некоторыми поэтами знакомишься поздно, когда они уже ушли из жизни, даже если и были они долгое время твоими современниками. Но главное сейчас — их стихи, их книги. Книга «Простейшие слова» издана в Москве в 2018 году как книга избранных стихотворений поэта Виктора Ширали (1945–2018), начиная с 1966 года и кончая 2017-м. (Заметим, что пунктуацию в стихах, цитируя, мы сохраняем авторскую.)

Это был друг Андрея Вознесенского, но не ищите в его поэзии ничего подобного. У Ширали свой голос, свой тембр, своя интонация. Попробуем разобраться какая. Прежде всего это поэт Ленинграда (Санкт-Петербурга). Согласимся, кто только не писал об этом городе: Пушкин и Гумилев, Блок и Пастернак, Ольга Берггольц и Анна Ахматова! Казалось бы, трудно найти свой город, но Виктор Ширали находит. Его город со своими атрибутами. И прежде всего это Летний сад. Вообще садов много в поэзии Виктора Ширали, что не случайно.

«Вот зимний сад / Вот зимняя судьба...». «Как ночь бела / Белей лица во тьме <...> И золоченый ангел на шпигу / Подносит солнце к влажному лицу». «Ты пахнешь мной как яблоками сад / Как яблоко, когда его развалишь...» С садом ассоциируется юная девушка в стихотворении «Двойной мадригал»: *«Два сосунка. Два яблока. Два сада / Расцветиших под рукою у меня. / Расцветиших под рукою для тебя. Чтob ты в своих садах была своею, / Я с губ твоих / Девичество целую, / Рассветный сад твой к полдню наклоня...»* Сад, Летний сад — но какой? Черный, осенний и тем не менее свой, любимый, и это ощущение почти главное в стихе. «Пейзажи Летнего сада» — так называет

Виктор Ширали свое стихотворение. «Обилье черных оголтелых веток / Под ровный ход осеннего дождя... / Помузицируем в последний раз, друзья».

Но где сад, там и роща, там и растения, яблоки, шмели. «Следить полет тяжело-го шмеля / как он окрестность сотрясает гулом». «Спросил у девушки / Под норку меховой: / — Не знаете ли вы / Названия растенья / Расцветшего у вас над головой?». В стихотворении «Вот на мои расцветшие глаза / Тяжелая садится стрекоза» говорится, как девочка срывает кувшинку: «И вот меня схватила. Я тянусь, / Оттягиваюсь. Напрягаюсь. / Рвусь». Маловато у нас стихов от имени... погибающих растений.

«Но осень. / Летние заботы оставлю. / Осень пью до дна. / Ласкаю, коль уж ты под боком»; «Меня бы поставить, / Как черную черствую ветку. / Еще в декабре / В склян-ку комнатной теплой воды». «Весною каждый заново листует, / А осенью стихами опадет».

Сад, растения — пространство, а время? Время чаще всего в стихах этого поэта (мы берем сейчас все стихи сборника!) неуютное, «ленинградское»: октябрь, декабрь с январем. Да, конечно, есть стихотворение и про белые ночи, и про апрель, но типичнее как раз другие, осенне-зимние стихи.

Но мы начали не с главного. Главное соотносится с образом женщины, точнее да-же — женщин. У Виктора Ширали стихи о женщинах, о любви, скрытой, глубинной, со-ставляют основу основ поэзии. Чувство, которому нет подходящего слова в русском языке. Любовь? Да, но какая?

«Я снился Вам / И было лестно мне / Вы мне во сне не отвечали — нет... <...> До ве-чера Вам вспоминались сны / А вечером увидели меня». «Ты научила радости меня. Но расстаемся... Не кричу трагедий... <...> То лишь того, чтоб на тебя похожа / Была она. / Как ты уже не сможешь». Еще острее чувство в стихотворении «Романс»: «Мое молчанье просвисти / И лучше вовсе пропусти / То место, где я умираю». В стихотворении «Осен-няя песенка» поэт пишет: «Что можно жить и продолжать / И продолжать / И мо-жет быть. И может стать / Пора влюбляться. // Так полюбить тебя легко / ты так похожа / На ту. Ах, нет, что ты. На то / Что быть не может». Приведем полностью одно стихотворение. «Зачем глядеться в зеркала, / когда есть лица, / В которых легче и верней отобразиться, / Смотришь внимательней в меня, / И станет ясно: / Прическу незачем менять, / И так прекрасна / Твоя душа / Когда добра, / Когда спокойна. / И мне тебя отображать / И жить не больно». Чувство к женщине сильное, но говорится об этом скупно, сдержанно, по-мужски. А вот концовка стихотворения «Соппротивление»: «По первому снежку. / Снежочку в рукавице. / Гулять с гуленой / Отроковицей. / По-целовать. / Замешкаться. / Смешаться. / Не стоило тебе / со мной якшаться». Здесь другая особа, другие слова. Влюбленность? Или нечто случайное почти, но по жизни встречающееся?

«Вы славно загорели, / Все солнце в вас. ...По Невскому идут дожди. / Отчаяться. / Со всеми распрощаться. / По Невскому идут дожди. / Отчаяться / И одному остаться. / По Невскому идут дожди... К стеклу троллейбусному прижимает щеку. / Дожди стека-ют по ее щеке. ...Что было — было. / „Было“ не догонишь. / Что будет — будет. / „Бу-дет“ — не сберечь». Поэт благодарен женщинам, которые были с ним, но выража-ет эту благодарность сдержанно, по-своему, подчас эпатажно: «Когда ты грудью ото всей „России“ / Обороняла русского поэта. / Спасибо, милая. / Пятнадцать суток не пятнадцать лет. Фр-р-р! / Фьють! / Отваливай! Привет Парижу / Но знают ли в Па-риже где Воронеж?»

Считается, что слово в поэзии — квант личности поэта. «Что всякая жена — сопер-ница отчизны». «Господи! / Я женщину покрою / И она родит на этот свет / Что-ни-

будь / Хотя б стихотворенье / Впрочем, дай ей женское уменье / Даже если женщина поэт».

В стихах Виктора Ширали еще есть слова о смерти, о кладбище, и заметим, что написано это было в те годы, когда эта тематика была закрытой, как закрытой была тема Бога, божеского.

«Пике / Не всегда суицидно, / Хоть и летален обычно полета исход». «Так и живем / Смерть назревает не спеша / И вырывается — / С названием „Душа“». «Я говорю, что когда не остается никого, остается Бог / Единственным собеседником. Поэтому он есть»; «Мучаюсь о Боге и о Благе / Что Бог — не знаю / Благо — это ты».

«Искусство, говорят, не терпит посредственности, но оно еще не терпит сознательности... Толстой обнаруживает таинственную мудрость бессознательного что в природе, что в близких к природе людях», — писал Сергей Шаргунов. А Федор Гиренок утверждал, что разум тоскует по безумию как по истоку. «Хаос — это изначальный порядок, уничтоженный в процессе сотворения мира», — заявлял Ежи Лец. У Виктора Ширали нет подчеркнутой сознательности в стихах, а есть следы некоего безумия и хаоса. Опять подчеркнем, что писалось это в 60–70-е годы. Да, поэт дружил с Андреем Вознесенским, но стихи можно соотнести скорее с некоторыми стихами «раскрученного» сейчас Иосифа Бродского, например, вот с этим: «И по комнате, точно шаман кружа, / Я наматываю, как клубок / На себя пустоту ее, чтоб душа / Знала что-то, что знает Бог».

Поэзия Виктора Ширали не для детей: в ней есть откровенные признания-просьбы, как в стихотворении «Заговариваю»; есть инвективы, как в стихотворениях «Декабри», «Повторы», «Как женщине единственной». Вот целое стихотворение: «*А что поэзия? / Когда я ослабев / Простейшие слова / В ряду простейших сует / Дикарь / Примитивист / Что журу / то и рисую*» (1970). Эпатажное представление себя, своего поэтического кредо! Но обратим внимание: 1970 год написания, когда не дозволено было употреблять бранные или грубо-просторечные слова. А стих цепляет! В том же году было написано и другое стихотворение, тоже раскрывающее поэтический почерк поэта: «*Канонические формы стихосложения, / Ибо они, все одно, / Воняют. / Надо глубоко забыть. / Забыть в себя / Мастерство, нажитое до нас / А свое собственное / Творить сиюминутно*».

О, как хотелось бы, узнать больше о судьбе поэта, о его «проблемах»! Но не выходит. Владимир Губайловский писал: «Поэт, создавая стихотворение, разрывает коммуникацию. Он говорит на непонятном для большинства людей языке. Даже если кажется, что он кристально ясен. Понятная поэзия — это поэзия привычная, то есть вторичная, то есть, строго говоря, не поэзия. Она не совершает прорыва, не сдвигает границу познанного. Поэзия всегда содержит новую идею, открывающую (приоткрывающую) незнакомую местность, которой не было, пока она не была названа». Вот пример, в котором акцентировано словосочетание: «вникал подробно»: «*Я ехал за город / Вникал подробно / Звучанию струи в подойник / Где накопленье молока / Глушило песнь / Что так звонка / Первоначально*». А вот еще звуки, звуки метро, на которые мы и внимания не обращали, пока не узнали, что: «*Отчаянно оно напряжено / И с низких „у-у-у...“ взвывается до „а-а-а...“ / И гасится шипящими дверей / и все...»*

Перечитаем все вышеприведенное. «*...Всякая жена — соперница отчизне», «По Невскому идут дожди. / К стеклу троллейбусному прижимает щеку / Дожди стекают по ее щеке*». Понятно, узнаваемо? Конечно, но ведь до этих стихов мы и не замечали таких мелочей. Особая тема — перевод, ощущение другого языка, благодарность и внимание к тому, что непонятно, но мило своей непонятностью. «*Чужой язык, / Как не моя свобода / Была мне непонятна и мила*».

А теперь рассмотрим несколько подробнее один сквозной, тоже подчеркнуто индивидуальный прием поэта. Однородные члены предложения выделены отдельной строкой каждый: «*Да вдоль Летнего сада / За решетку зайти / Показаться / Поклониться / Посвятаться / К мертвым богам // Это лето уходит / Отыграл / Отглядел / Отозвался...*» Стихотворение датировано 1967 годом. Поэт нащупывает свой синтаксис, свою строку, свой ритм. Отсюда особый акцент на этих словах. Виктор Ширали нащупывает такую особенность русского языка, как семантическое предпочтение началу фонетического слова. Это могут быть приставки: *отыграл, отглядел, отозвался*. Но могут быть и предлоги, и союзы, и вообще начальные звуки различных слов, например, в стихотворении «Повторы»: «*За сколько лет тебя спущу / По косточкам, / По междометьям, / По грошику на благодать / На каждую, / На тех, в ком светит / И в ком уже не перестать / Быть. / Бытовать. / Бывало, помню, / Подступит к горлу, / Из горла, / И солнце в глаз, / И время в полдень, / И муза / Высоко брала*».

Поэт находит свой способ выражения поэтической мысли, который воплощается во многих стихах, что позволяет веселее зазвучать главному в стихе: «*Вознеси / Возвеличь / Но помилуй / Приласкай / Приголубь / Притопи / Торжествуй...*». «*Или потеряно, / Или куда закатилось, / Или влюбиться, / Как всех о прощенье молить. / Или влюбиться и сдаться любимой на милость <...> А о смерти потом — / После смерти, / постскрипtum, / Постфактум, / Попозже*»; «*Афродита, Афина... Какая Афина? — Алена! // Осадили, / Огрузили, / Оседлали мой крест*»; «*Странна / И больна / И повинна / Ты берешь меня с полки / Ты открываешь / Тыходишь в мой сад / Я встречаю тебя / Я живой под обложкой / Я рад / Нашей встрече / Я руки целую твои / И поют мои птицы / И строчки твердят о любви*».

Мы выбрали сейчас и привели лишь отдельные строки из стихов, но таких строк много, и это весьма характерно для Виктора Ширали. В поздних стихах тоже иногда проявляется такой способ актуализации: «*Ты выбила, история, меня / Из звонницы, из звонарей, из звона*» (2013), но он не так уже широко представлен, как в стихах 60–70-х годов. Когда у поэта нет ни одного банального слова, нужен прием, как сделать стихи близкими чужому восприятию.

О названии сборника. Оно по стихотворению — о простейших словах, но словах своих, незаемных и уж никак не избитых. О словах, которыми можно выразить чувство — не такое, как у других, собственное, и потому замечательно свежее, особое. «Мысль — орган зрения. Мы видим то, что мы мыслим. Новый язык — это способность увидеть новые вещи» (Олег Павлов). Так и здесь. Нет ничего, что говорилось другими авторами о любви, о Петербурге, о саде. Все свое и потому достойное чтения и изучения.

«У нас считается презренным главный служебный жанр критики — рецензия. Между тем это единственный способ организации культурного процесса, превращения его из хаотической массы фактов в структуру, доступную наблюдения», — писал Петр Вайль. Сказанное относится к читателям рецензии, но не в меньшей степени оно относится и к самому автору рецензии. После прочтения, перечитывания, промысливания строк Виктора Ширали этот поэт стал и становится все более моим современником 60–70-х годов, собеседником, тревожащим душу, полноценным знакомым. И понимаешь, почему это имя добротнo вписано в доблестную плеяду петербургских поэтов.

Вера ХАРЧЕНКО